

Первые два выпуска «Корпуса печатей Византийской империи» появились в 1963—1965 гг. (см. ВВ, XXVIII, 1968, стр. 300—302), после чего издание, казалось бы, замерло. Теперь перед нами третий выпуск — дополнительный, посвященный, как и два предыдущих, византийской церковной администрации. Он содержит около 400 моливдулов, основная часть которых — коллекция Думбартона Оукса (Вашингтон); кроме того, публикуются памятники из нескольких более скромных собраний (прежде всего М. Тьерри д'Этамп: № 1737, 1751, 1833, 1846, 1924 и др.) и печати, ранее изданные, но почему-либо опущенные в вып. 1—2 (№ 1641 бис, 1802, 1821, 1903, 1914, 1929); при этом В. Лоран (он скончался 21.XI 1973) исправляет старое чтение и датировку. В ряде случаев включены памятники, изданные в вып. 1—2 по другим (и худшим) экземплярам, что позволяет теперь уточнить или исправить чтение. Так, в № 310 Лоран прочитал имя епископа Редесто — Никита, теперь (№ 1700 бис) он исправляет на Михаил; в № 1571 Сотрих был назван епископом Иордана, оказался же он епископом Дардана (№ 1705). Ср. еще № 1648 и 103, 1712 и 372. В других случаях новый экземпляр позволил уточнить иконографию (№ 1868 и 936) и дату (№ 1719 и 402) или дать толчок к пересмотру атрибуции (№ 1777 и 738). Одно из этих переизданий вызывает, впрочем, вопрос. Лоран переиздает печать царского монастыря Предтечи τῆς Ἐρημίας (№ 1944), утверждая, что новый экземпляр делает чтение названия монастыря quasi certaine. Однако от этого названия на новом экземпляре он восстанавливает лишь три буквы: . . ΝΜΙ., тогда как на первом экземпляре (№ 1285) были прочитаны четыре: . . ΝΜΙΣ. Таким образом, новый памятник не делает реституцию, предложенную еще Г. Хунгером (см. р. 301), более надежной.

Нет необходимости снова говорить о значении сигиллографических памятников и «Корпуса» В. Лорана. Как и первые два, третий выпуск содержит массу новых данных по церковной географии, по церковной и монастырской организации. Примечательны две печати X—XI вв. экономов Великой церкви, которые оба были светскими людьми и носили титулы: один — магистра, а другой — анфипата и патрикия (№ 1640, 1641). Точно так же и эконом Антиохийской патриархии (печать второй половины XI в., до 1086 г.) был светским чиновником — протоспафарием и мистографом (№ 2022). Подчинение церковных имуществ светской администрации — весьма существенная черта византийского государства. Ср. еще печати экономов — светских лиц в вып. 1: № 52—54.

Уже в вып. 2 Лоран издал ряд печатей так называемой диаконии (№ 1207—1222), которую он рассматривает как особое церковное ведомство, распоряжавшееся благотворительностью<sup>1</sup>. Теперь сюда прибавляется еще несколько печатей и жетонов (№ 1920—1926) — впрочем, атрибуция некоторых из них ведомству диаконии не кажется мне бесспорной. Как бы то ни было, на всех печатях в вып. 2 стоит термин *Διακονία*, тогда как в новом издании № 1922 и 1924 его не имеют, отчего зачисление их в этот разряд становится субъективным.

Печати содержат упоминания о ряде прелатов и монастырей, до сих пор не известных, или же сообщают о них новые сведения. Правда, скудость сфрагистических документов требует при обращении с ними сугубой осторожности. Так, Лоран публикует две печати (№ 1904—1905), которые он атрибутирует монахам Манганского монастыря св. Георгия, и поскольку одна из них датируется первой половиной XI в., Лоран выдвигает гипотезу, что Манганский монастырь не был основан Константином IX (как об этом сообщают писатели XI в.), но существовал еще до этого императора. Следует, однако, отметить, что столь точная датировка (первая половина, а не середина XI в.) моливдувола пока еще вряд ли возможна. Далее, ни на одной из двух печатей названия Манганов нет (а на второй нет и изображения св. Георгия — патрона Манганов, как и многих других монастырей); основываться же только на формуле «царский монастырь» или «монах деспота» (δеспότης) крайне рискованно. Царскими назывались многие византийские монастыри (например Лавра св. Афанасия в хрисовуле Константина X от 1060 г.)<sup>2</sup>, а сам Лоран издал (№ 1147) печать Анны, игуменьи монастыря τῶν Δεσποτῶν (вторая половина XI в., изображение богородицы), который никоим образом не идентичен Манганскому.

Новые моливдуволы интересны и для истории византийской интеллигенции: достаточно сказать, что в вып. 3 публикуются печати Алексея Аристина (№ 1650), Феодора Вальсамона (№ 1648) и Михаила Италика (№ 1765). Отмечу в этой связи и печать (№ 1660) магистра Великой церкви Константина (вторая половина XI в.), которого Лоран считает магистром риторов.

Некоторые данные можно извлечь и для истории Руси, славян и Закавказья. Лоран публикует печать (анонимного) епископа Новгорода первой половины XII в. (№ 1788) и (анонимного) проэдра (архиепископа) Зихии второй половины XI в. (№ 1825). Две печати касаются эллинизированной семьи кавказского происхождения — Горников: одна упоминает Иоанна Горника, ктитор Ивирского монастыря на Афоне

<sup>1</sup> См. еще: D. J. Constantelos. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, 1968, p. 75.

<sup>2</sup> Actes de Lavra, I. Paris, 1970, N 33.39.

(№ 1929), — она привешена к грамоте 1080 г., когда Торника уже давно не было в живых; второй памятник сохранил имя монахини Марии Торникины XI—XII вв. (№ 2012). Очень важна печать монахини Ксены ἡ τοῦ Νεστούρου XII в. (№ 2014): этот памятник, как и два неизданных моливдовула XI в.: Марии, патрикии, дочери Нестонга, и магистра, стратига Иоанна Нестонга, упомянутых в комментарии, подтвердили гипотезу И. Дуйчева о переходе болгарского рода Нестонгов-Нестягов на византийскую службу при Василии II<sup>3</sup>. До сих пор византийские Нестонги были известны не ранее XIII в.

Нет необходимости говорить о высоком качестве издания. Покойный Лоран был крупнейшим специалистом как в сигиллографии, так и в церковной истории Византии. Его чтениям и датировкам можно доверять, его комментарий богат информацией и разнообразен. Он затрагивает лексические, просопографические, исторические, иконографические проблемы. Мои возражения будут касаться лишь некоторых, иной раз довольно частных сторон издания.

Трудности восстановления легенды на поврежденных печатях общеизвестны: иногда от слова или имени остается лишь одна буква, и только остроумие и опыт издателя могут подсказать, что стояло первоначально. Но подчас остаются возможными другие варианты. На печати № 1754 Лоран по конечной А восстанавливает имя 'Αυδρέα аргументируя, в частности, редкостью преномов из 5—6 букв с окончанием -ας. Известны, однако, такие имена, как 'Ηλίας, Θωμάς, Κοσμάς, Σάββας и особенно частое Νικήτας. Изображение св. Андрея на аверсе никак не может быть аргументом в пользу реституции Лорана: владелец печати был Патрским митрополитом, а св. Андрей — патрон Патр. Сохранились печати ряда Патрских митрополитов: Филиппа (№ 629), Константина (№ 631), Георгия? (№ 634), Иоанна (№ 636), Феодора (№ 1603), — со св. Андреем; св. Андрея представил на своем моливдовуле и митрополит Никита (№ 633): впрочем, его печать по шрифту и иконографии<sup>4</sup> отличается от № 1754 и должна была быть более поздней. По одной «С» Лоран восстанавливает название архиепископии: [Κα]τ[α]ρε[ι]ας (№ 1685), что тем более спорно, поскольку перед «С» он отмечает место для 2, а не 3 букв и, скажем, [Νό]α[σ]ης могло читаться с тем же успехом: известна же печать Никиты, архиепископа Нисы (№ 1602).

Значительно чаще, однако, чем реституция, вызывает сомнение идентификация владельцев печатей. Следует учесть, что идентификация ведет подчас к очень ответственным выводам. Так, Лоран атрибутирует печать № 1690 иконопочитателю Феофилу, архиепископу Эфеса, и замечает, что изображение св. Иоанна на аверсе — показатель того, что Феофил не колебался выступить против официального иконоборчества. Вывод имел бы серьезное значение для трактовки иконоборчества, если бы только мы могли быть уверенными в этом отождествлении и в том, что печать изготовлена в начале, а не в середине IX в., уже после восстановления культа икон.

Видимо, вообще необходимо поставить вопрос о принципах идентификации, о том минимуме данных, которые позволяют говорить о тождестве двух персонажей. Так, скажем, Иоанн, митрополит Сидский и протосинкел (№ 1720), может быть идентифицирован с известным политическим деятелем второй половины XI в., поскольку имеет место совпадение как должности, так и (довольно редкого) титула. Редкое имя Эмилиан (№ 1703) делает идентификацию вполне вероятной. Но почему Михаил, синкел и великий эконо (№ 1641 бис), — непременно Михаил Кируларий, о пребывании которого в должности эконома ничего неизвестно? Изображение Михаила Архангела на аверсе не может (вопреки Лорану) служить доказательством тождества — любой Михаил считал Архангела своим патроном. По одному только имени идентифицируются с лицами, известными по письменным памятникам (то с оговоркой «быть может», то более уверенно), владельцы печатей № 1637, 1655, 1794 и некоторых других, что особенно рискованно, поскольку среди их преномов — и такой распространенный, как Иоанн. Подобное отождествление зиждется на (нев്യсказанном) принципе, будто нам известны все члены византийской духовной иерархии, что отнюдь не соответствует действительности: сам Лоран неоднократно подчеркивает, что то или иное лицо в иных источниках не фигурирует (№ 1691, 1693, 1695, 1704, 1710, 1721, 1734, 1737, 1753, 1758, 1760, 1784, 1814, 1821, 1937 и др.); о многих это не сказано, и тем не менее они — новые фигуры в византийской просопографии. Значит, мы легко можем допустить, что Иоанн, проэдр Керкиры (№ 1794), мог быть омонимом митрополита, названного Киннамом, — даже если они жили в близкое время. Ведь наличие омонимов на одной кафедре и подчас в близкое время Лоран нередко отмечает в комментарии (№ 1633, 1692, 1789).

Еще большие возражения вызывает у меня идентификация одноименных лиц, известных только по сигиллографии. Лоран утверждает, что протэждик Петр (№ 1649) — тот же человек, что великий эконо Петр (№ 57) и хартофилак Петр (№ 95, 96). Даже если принять как бесспорную дату — вторая половина XI в. — для всех печатей (№ 57, впрочем, датирован XI—XII вв.), нельзя утверждать, что среди патриарших

<sup>3</sup> И. Дуйчев. Последняя защитник на Срем в 1018 г. — ИИБИ, 8, 1960, стр. 309—320. Работа Дуйчева не упомянута в комментарии Лорана.

<sup>4</sup> Странным образом изображение в Альбоме (табл. 85) совершенно не соответствует описанию аверса в тексте (т. I, стр. 475): там представлен не св. Андрей en buste, а три стоящие фигуры.

должностных лиц этого времени один единственный — Петр. Иногда идентификация подкрепляется сходством самих печатей — таковы, например, два моливдовула протэктика Иоанна (№ 109 и 1652); впрочем, и в них расположение строк различно. Идентичны и печати митрополита (Халкидона) Сергия (№ 1714, 1715). Кстати сказать, и стилистическое единство еще не является гарантией тождества владельцев, но скорее показателем выпуска печати одним гравером — как остроумно отметил Лоран по поводу печатей Феодора Серрского (№ 778) и Феодора Коринфского (№ 1749). Но как быть в тех случаях, когда моливдовулы выполнены по-разному (№ 1731 и 1732, 1771 и 1772, 842 и 1816, 1823 и 1824, 1891 и 1892, 1626, 1895 и 1896, 1352 бис и 1901, 1235 и 1932, 1389 и 1982)? Не является ли различие стиля скорее свидетельством различия омонимов, чем их тождества? Иногда, впрочем, и сам Лоран признает это: так, он отмечает трех разных Иоаннов, связанных с Влахернским храмом (№ 1199, 1200, 1921), но всех их относит к разным векам.

Объяснение титулатуры лишь в редких случаях нуждается в поправках и дополнениях. Думаю, что разъяснение обязанностей эпискепитита (№ 1639), несмотря на отсылку к работе Дж. Бури, неточно: во-первых, Бури говорит о заведовании императорским столом как о «вероятной» (probably) функции эпискепитита; во-вторых, Бури не упоминает о его обязанности посещать провинции и наблюдать за границами, что Лоран, видимо, вывел из этимологии слова *ἐπισκεπτικός*. На самом деле, эпискепитит, как и куратор (Николай, владелец печати № 1639, сочетал обе должности), — высококий чиновник императорского патримония: понятия *ἐπίσκοπος* и *κοινοτορία* близки друг к другу<sup>5</sup>.

Лоран издает печать X в. (№ 1643) клирика Михаила, хартулария эконома Великой церкви и куратора параκλιμοмена?]. Реституцию последнего слова издатель считает условной — и не без оснований: в самом деле, должность куратора параκλιμοмена кажется невероятной. Однако если учесть существование монастыря Параκλιμοмена (см. печать его игумена Неофита — № 1141), восстановление Лорана становится вероятным: Михаил мог быть куратором этого монастыря. Что должность куратора не противоречила монашеской, свидетельствует моливдовул игумена и куратора Павла (№ 1327).

Понимание легенды иной раз кажется мне спорным. Так, печать № 1756 Лоран атрибутирует епископу Мефону, трактуя термин *ἐπίσκοπος* как епископ, но в других случаях *ἐπίσκοπος* безоговорочно рассматривается как священник (№ 1891, 1892; см. V, 2, стр. 501 и сл.). Отсутствие топонима еще не может служить абсолютным аргументом: известен ряд печатей епископов и митрополитов без указания их епархий, причем не только ранних, но и X—XII вв. (№ 1069, 1863, 1864, 1870, 1879). Печать № 1900 Лоран считает невозможным отнести к афонской Лавре, поскольку на легенде стоит просто: «лавра Афанасия» — без эпитета «святого». Является ли этот ригоризм достаточно оправданным? Краткость легенды и требования метрики могли обусловить пропуск эпитета. Лаврой Афанасия именуют эту обитель и более пространные документы, как грамоты патриарха Николая II от 989 г. или монаха Георгия Харзана от 1024 г.<sup>6</sup> Возможно, что отсутствие эпитета указывает на относительно раннее (первая половина XI в.) изготовление моливдовула.

В некоторых случаях следовало бы пополнить библиографию комментария. Так, при анализе имени Влахернит (Лоран разбирает вопрос, является ли он патронимом или эпитетом, указывающим на связь владельца печати с Влахернским храмом, — № 1651) следовало бы учесть распространенность этого имени, о котором уже писал Г. Г. Литаврин<sup>7</sup>. Датой смерти Арефы Кесарийского указывается «около 944 г.» (№ 1692); П. Лемерль предлагает несколько более раннюю<sup>8</sup>. Смерть Николая Айофеодорита, митрополита Афин, датирована по традиции 1175 г. (№ 1749), без учета моего предположения, что он умер около 1178 г.<sup>9</sup>

Расположение материала не всегда бесспорно. Печать Алексея Аристина № 1650 ошибочно датирована первой половиной XI в. и помещена ранее печати Константина Влахернита, тоже протэктика, отнесенной ко второй половине XI в. Печать эконома Эфеса Феогноста № 1699 естественнее было бы видеть после № 1692, после моливдовулов Эфесских архиепископов. Непонятно, почему печати диакона и хартулария Феодора (№ 1894) и диакона и хартулария Константина (№ 1896) помещены не среди печатей диаконов (№ 1833—1838) и отнесены к клиру св. Софии, хотя легенды об этом молчат. Священник Иоанн № 1846 бис помещен среди епископов, что, видимо, отражает колебания Лорана в толковании термина *δούλος*. Наконец, печать прота Гана (№ 1949) должна была быть помещена на другом месте (об этом монашеском центре см. № 1228—1232). Книга снабжена удобными индексами.

А. К.

<sup>5</sup> F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960, S. 151 f.

<sup>6</sup> Actes de Lavra I, № 8, 14; № 25, 11—12.

<sup>7</sup> Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 124, 137.

<sup>8</sup> P. Lemerle. La premier humanisme byzantin. Paris, 1971, p. 207.

<sup>9</sup> А. П. Каждан. Братья Айофеодориты при дворе Мавуила Комнина. — ЗРВИ, 9, 1966, стр. 92—94.